

Юрия изловили и уничтожили на Сити. Героические сражения с монголами были, большей частью, придуманы спустя столетие (ежели не вообще в наше время). «Повесть о разорении Рязани Батыею» сочинена в 30-е годы следующего, XIV века, когда уже полностью обозначился новый пассионарный подъем, спасший страну. Князя Ярослава, отца Александра Невского, оговорил в Каракоруме собственный боярин!.. Александр был едва ли не первым пассионарием своего времени, и трудно представить себе то страшное одиночество, которое должен был испытывать этот юноша среди людей, начисто лишенных дальнорзорности, как все люди угасающей эпохи, «эпохи обскурации», способных видеть лишь то, что перед глазами, совсем не задумываясь о будущем, о последствиях своих же собственных действий. (Достаточно напомнить, как новгородские бояре то призывали, то выгоняли Александра из Новгорода!).

Да, Александр счастливо отразил набег Биргера и выиграл тяжелое сражение с орденскими рыцарями на Чудском. Причем одолел западного врага как раз в те годы, когда Русь лежала в развалинах после Батьева погрома. Как тут было не подумать о

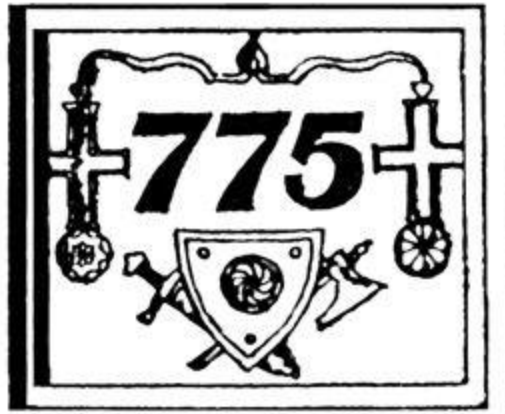
следующей, в течение столетия, гибелью своего, самого сильного в тогдашней Руси, Галицко-Волынского княжества, захваченного литвою и венграми, тогда же начавшими насильно обращать Червонную Русь в католичество (плоды какового обращения мы и познаем теперь). Стоит напомнить и то, что в захваченной поляками и литвой Галицкой и Киевской Руси католики ухитрились уничтожить все зримые следы русской культуры, все письменные памятники, все иконы, узорочье — словом, именно все! И ежели бы не наша Восточная, Залесская Русь, тогдашняя окраина Руси Киевской, сохранившая в пожарах городов и летописи, и живопись, и государственные акты времен минувших (татары, как-никак, не покушались обратиться Русь в иную веру), то мы сейчас и не знали бы вовсе ничего о Киевской Руси... Но ведь такого итога католической экспансии никто не мог и предвидеть в том самом тринадцатом столетии!

Понадеялся на западную, в данном случае шведскую, помощь даже и родной брат Александра, Андрей... Понадеялся на немецкую помощь и псковские бояре, изменнически сдавшие город рыцарям (заметим, что ни до, ни после Пскова ни разу не был

человеку. Почему и шли, пробираясь за Камень (за Урал), потому и Беловодье искали где-то у границы Китая, а то и в Тибете. А он, Александр, был плоть от плоти, был князем народа своего...

Дальнейшее легко объяснить. И то, что, отказавшись от ограбленного и умирающего Киева, добивался Владимирского княжения под братом, и то, что Новгород Великий и Псков склонил под татарскую дань, расточив и казвив сопротивлявшемуся тому дружинному старшему сыну. Непокорным резали носы и уши, «вынимали очи», рубили руки. Александр умел и мог быть решительным и жестоким, когда этого требовало дело всей его жизни, дело собирания страны. Он и самого сына Василия, первенца, сослал, не пожалев, на Низ, навек отринув от большой власти и большой политики... И то объяснимо, что в ставке Батия заключил он кровный союз с Батьевым сыном Сартаком, и то, что, сидя в Орде, наслал на брата Андрея Неврюева рать, опустошившую владимирские пределы. (Брата, смилив, позже посадил на удел).

Но и то не забудем, что митрополит Кирилл и весь народ встречали, после Неврюевой рати, Александра как спасителя своего. Но и то не

стране, где демократическое правление под эгидой царской власти было принятой нормой и законом вплоть до большевистского переворота, переворота, сопровождавшегося неслыханным угнетением русского народа и новыми, современными попытками разорвать и уничтожить по частям Русское государство, созданное нашими предками в результате вековых усилий.

Во главе же этого великого, растянутаго на века государственного строительства, у истока движения, поднявшего наш народ к славе великой и великой ответственности перед человечеством, стоял он, Александр Ярославич Невский, добившийся своего крайним напряжением воли и сил, напряжением, стоившим ему самой жизни.

Возвращаясь с великою дипломатической победой из Сарая, от хана Берка, Александр умер в Городец. Вряд ли его отравили, как модно считать теперь. (Отравивши князя, Беркай не оставил бы русичам добытую Александром власть и право самим собирать дань). Скорее всего, он умер от напряжения сил, презошедшего возможности даже его богатейшего организма. Но именно он создал позднейшую Московскую Русь (хотя о Москве как центре страны князь, естественно, в ту пору и не догадывался). Он создал великое государство, величайшее на земле, создал терпением, мудростью, беспредельным мужеством и жертвенностью великой.

«Большой любви никто же не имеет, аще тот, кто душу положит за други своя». Этими словами самого Александра и закончим слово о нем, справедливо причтенном к сонму святых, создателей, защитников и хранителей Русской Державы.

Дмитрий БАЛАШОВ

УПРОЩЕННОСТИ взгляда новейших россиян на русскую историю можно только удивляться. Давно уже, кажется, рухнула советская система взглядов, убожеством своей превосходявшая все мыслимое доднесь, по которой прошлое — это мрак эксплуатации и насилия, освещаемый, да и то изредка, вспышками народных мятежей, не побеждавших реакционное самодержавие исключительно потому, что не было смички рабочего класса с крестьянством. О том, что произошло бы с Россией, ежели бы на трон Романовых сел, к примеру, Емельян Пугачев или на престол Рюриковичей взгромоздился Степан Разин, историки как-то даже и не задумывались, частью из подлости, частью, увы, по недомыслию. А уж о том, что история есть неустанное государственное строительство, а разбойники и разбои меньше всего нужны именно трудовому народу, который при этом верил и в Бога, и в батюшку-царя, не представляя себе иной формы началования страны, — об этом и про себя подумать боялись. Те еще были времена!

Но вот, казалось бы, слынуло, а все и доднесь прошлое — лишь резвые схватки да походы, сабельный блеск и «одоления на враги». Разве что великие и малые князья и цари стали выглядеть посимпатичнее, да в боях толстобрюхих открылись качества не томящие эксплуататоров-кровососов, но и государственных мужей, доблестно защищавших страну.

О том, что можно одолевать не войну, как одолевал Калита, как остановил, не совершив ни единого сражения, Симеон Гордый литовскую агрессию, куда более страшную для Руси, чем ордынское иго, или о том, как соученик Пушкина по Лицею Горчаков сумел одною дипломатией отыграть все проигранное в злосчастной Крымской кампании и укротить самого Бисмарка, — об этом широкая публика почти не веда.

И святость Александра Невского выводят из двух его победоносных сражений — со шведами на Неве и с немецким орденом на льду Чудского озера, хотя, к примеру, в тяжелом Раковорском бою, уже после смерти Александра Невского, немецкий орден потерял второе больше рыцарей, чем на Чудском озере (после чего больших походов на Новгород уже никогда не совершал), а Невская битва с Биргером никак не выделялась из череды постоянных ошибок со шведами, сшибок, из которых

Новгород, в общем-то, всегда выходил победителем, прочно удерживая за собой устье Невы. И то прибавим, что хвастало в ту пору князей-полководцев на Руси, одержавших много больше побед, но почему-то не удостоенных ни ореолов святости, ни посмертной канонизации, как Александр Невский (достаточно назвать хотя бы трех Мстиславов: того, что «зареза Редеду предъ пылки касожьскими», Мстислава Удалого и Мстислава Великого, самого Владимира Мономаха или Даниила Романовича Галицкого).

Давайте коротко напомним события жизни этого князя, прожившего всего сорок с небольшим лет и содежавшего, меж тем, невероятно многое за немногие годы своей жизни, — и попутно поставив перед собою дерзкий вопрос: а за что, собственно, современники Невского героя признали его святым, и даже — правы ли были они в этом своем решении? (Вопрос, кстати, не праздный! Недавно один из новейших Смердяковых печально сетовал, что, де, зря Невский дрался с немцами, следовало уступить рыцарям... И далее прямо по Смердякову: тогда бы культурная нация завоевала нацию некультурную. О самом понятии «культура» новейшие Смердяковы, разумеется, вовсе не ведают, — что это такое и с какой кашей едят, — отважно путая икону с унитазом).

ЮНОСТЬ Александра (годы жизни 1220—1263) пришлась на самое тяжелое время. Русь (по теории Л. Н. Гумилева, тогда находившаяся в стадии угасания) была разгромлена огненным смерчем Батьевщины. Все и вся бежало и пряталось. О предательствах, обманах, сепаратных сговорах с врагом, трусости, доходящей до бесстыдства, историки избегают вспоминать и доднесь. Владимир, стольный город Залесской Руси, был оставлен войсками и взят, по сути, без боя. Перетрусившего князя

союз с католическим Западом, сравнительно безопасным, «своим», против победоносных находников с Востока? Да ведь и подумали! Подумал Михаил Черниговский, кинувшийся во Францию, где на Лионском соборе выпрашивал помощь противу Орды, надеясь на организацию крестового похода. Красивая легенда, что, де, Михаил отказался поклониться идолам и потому, де, убит Батыею, пусть послужит незадачливому князю за гробным утешением. Не в идолах было дело! Не забудем, что не менее трети ордынцев были христианами несторианского толка, иные — мусульманами, и до мусульманского переворота Узбека в 1312—1314 годах Орда отличалась крайней веротерпимостью. У монголов попросту была хорошо поставленная разведка. О Лионских переговорах Батый узнал. А Запад, конечно же, отвернулся от Михаила, никакой помощи ему не оказав, и в который раз (и до, и после) загордился «издыхающей Россией».

(За все тысячелетие писаной нашей истории не было ни одного примера действительной помощи Запада России, хотя мы спасали западный мир не единожды. Ни единожды! И тем забавнее, что западники, надеющиеся на мифическую западную благостность, не переводятся на Руси до сих пор, и нынче, сидя в правительстве, деятельно разрушают и губят страну).

Понадеялся на Запад и Даниил Романович Галицкий, блестящий полководец, рыцарь без страха и упрека, сумевший сразу после татарского погрома отразить соединенный натиск Польши и Венгрии. Понадеялся на того же папу римского, прельстился королевским титулом, поверил, опять же, в помощь венгерского двора (родственники, как-никак!), в помощь той же Польши, тех же католиков.

И заплатил разрушением последних своих крепостей заплатил много страшнее: по-

захвачен вражеской ратью, до самого горестного двадцатого века впасть).

ВОИСТИНУ Александр оказался единственным на Руси из сильных мира сего провидчески оценившим сугубую опасность именно западной, а отнюдь не восточной экспансии! И вот тут уже (а вовсе не в удачных битвах) виден именно гений, видна необычайная, на века вперед простертая дальнорзорность человека, от которого тогда зависела едва ли не вся дальнейшая судьба страны.

И не надо «обелять» Александра, неделя его редкостным (и глупым) благородством. Не было глупости, да и благородства, зачастую, тоже. Он был в Каракоруме с отцом и братом. Но Андрей не увидел ничего, кроме изматывающей дороги, усыпанной костями русских полоняников, погибших в пути. Александр же увидел все. И силу организации, и неодолимость степной конницы, и малочисленность самих монголов, но и их веротерпимость, и безмерность открывшихся просторов, и «великий шелковый путь», нерасторжимою нитью связывавший судьбы десятков и сотен многогоразличных племен, одинаково зависящих от этой «дороги народов»; а значит, открылось ему и сугубое значение торговли с богатым Востоком, тогда еще отнюдь не ограбленным и не униженным европейцами; узрел он и удивительную способность быстрой мобилизации сил, свойственную степной орде, когда в считанные часы все мужское население садится на коней и превращается в войско, неодолимое для рыцарских ополчений Запада... Любопытно, думал ли он, что когда-то русские завоюют Сибирь? Скорее всего, не думал. Слишком это было еще далеко! Но головокружительная сила странствования вошла в него отравой, тоскою и сладкою болью, тягую в далекие дали, с тех еще пор присущей русскому

помним, что в пору начавшейся ссоры нового хана Золотой Орды Берке, по-русски Беркай, с Каракорумом вдруг вспыхивают народные мятежи против баскаков и сборщиков дани во всех волжских городах, и как-то единым часом вспыхивают! (Без сугубой подготовки такое невозможно). И Александр несется в Орду, к Беркаю, с дарами... Плачет и умоляет простить! Отнюдь! Он предлагает хану самое нужное тому в тот момент: — Зачем платить дань твоему врагу в Каракоруме? Бери ее себе! А собирать буду я, и вообще русские князья, сами! И сами будем привозить в Орду! И никаких сборщиков, никаких погромов не надобно! Так Русь из подчиненного данника стала младшим союзником Орды, ибо кто собирает налоги, тот и есть истинный властитель страны. И ежели, к примеру, наши нынешние доходы поступают в Международный валютный фонд, то он и является хозяином современной России. Но подобных хозяев тогда костромские, ярославские и городецкие мужики в Волге перетопили, забили дубьем, и — ничего! Карательного похода не последовало, а сбор дани с тех пор перешел в русские руки.

И СТАЛА потихоньку-полегоньку строиться, создаваться великая страна, через три-четыре столетия без остатка вообравшая в себя все монгольское наследие, всю Сибирь, до самых дальних краев своих, освоенных русичами чуть позже, когда потребовалось выйти к морям, открыть дорогу океанской торговле, и когда нам потребовались Охотское море и Курилы на востоке, Крым и Черное море на юге и балтийские незамерзающие порты на западе, — все то, что завоевано русской кровью в четырехвековых усилиях и чего нас пытаются лишить, а частично уже и лишили наши современные изменники Родины, назвавшие себя почему-то «демократами» в